

Гулевич Е. В.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ДЖЕЙМСА И И. С. ТУРГЕНЕВА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ "ДЭЙЗИ МИЛЛЕР" И "АСЯ")

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/16.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 40-42. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованной литературы

1. **Авилова, Н. С.** Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени: глаголы с заимствованной основой / Н. С. Авилова. - М., 1967. - 246 с.
2. **Бодуэн де Куртенэ, И. А.** Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. - М., 1963. - Т. 2. - 391 с.
3. **Горобец Е. А.** Комплексный анализ двувидовых глаголов в русском языке: к постановке проблемы / Е. А. Горобец // Русская и сопоставительная филология 2005. - Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. - С. 39-44.
4. **Горобец Е. А.** К вопросу о трактовке сущности явления двувидовости русского глагола / Е. А. Горобец // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): Труды и материалы: В 2 т. - Казань, 2006. - Т. 2. - С. 47-49.
5. **Горобец Е. А.** Принципы описания двувидовых глаголов: грамматическая характеристика / Е. А. Горобец // Русская и сопоставительная филология 2006. - Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. - С. 84-91.
6. **Лопатин, В. В.** Современный русский язык: Теоретический курс. Словообразование. Морфология / В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, М. А. Шелякин; под ред. В. В. Иванова. - М.: Русский язык, 1989. - 261 с.
7. **Мучник, И. П.** Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / И. П. Мучник. - М.: Наука, 1971. - 298 с.
8. **Николаева, Е. К.** Разработка двувидовых глаголов в толковых словарях русского языка: Дис. ... канд. филол. наук / Е. К. Николаева. - М., 1989. - 235 с.
9. **Перцов, Н. В.** Русский вид: словоизменение или словообразование? / Н. В. Перцов // Типология вида: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной научной конференции, 16-19 сентября 1997 г. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 528 с.
10. **Ремчукова, Е. Н.** Креативный потенциал русской грамматики (морфологические ресурсы языка): Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е. Н. Ремчукова. - М., 2005. - 40 с.
11. **Черткова, М. Ю.** Грамматическая категория вида в современном русском языке / М. Ю. Черткова. - М., 1996. - 171 с.
12. **Шанский, Н. М.** Современный русский язык / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. - М.: Просвещение, 1987. - Ч. II: Словообразование. Морфология. - 255 с.
13. **Шелякин, М. А.** Категория вида и способы действия русского глагола: теоретические основы / М. А. Шелякин. - Таллин: Валгус, 1983. - 216 с.

**ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ДЖЕЙМСА И И. С. ТУРГЕНЕВА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТЕЙ «ДЭЙЗИ МИЛЛЕР» И «АСЯ»)**

Гулевич Е. В.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Однажды Д. Конрад назвал Джеймса историком прекрасных душ. Как никто из его предшественников, Джеймс смог стать созвучным тончайшим движениям женской души; в своих романах он сумел создать и показать неповторимость образа американской женщины. При этом его восприятие натуры американской женщины во многом было предопределено, на наш взгляд, ощущением своей страны. Это ощущение было двояко. С одной стороны, Джеймс не находил в Америке и следа «большой» культурной истории, которая, по его мнению, необходима литературному творчеству; писатель упорствует в своём мнении об Америке как о «дикой пустыне оптовости», где жажда наживы и денег затмевает все остальные людские потребности [James 1897: 238]. Джеймс говорил, что «можно перечислять предметы высокой цивилизации, существующие в других странах и отсутствующие в структуре американского общества до тех пор, пока не начнёшь удивляться, что же остаётся. Ни государства, ни двора, ни личной верности, ни аристократии, ни церкви, ни духовенства, ни армии, ни дипломатической службы, ни сельских джентльменов, ни дворцов, ни замков, ни поместий, ни старых усадеб, ни домов приходских священников, ни крытых соломой хижин, ни увитых плющом развалин; ни соборов, ни аббатств, ни маленьких нормандских церквей; ни больших университетов, ни колледжей - ни Оксфорда, ни Итона, ни Харроу; ни литературы, ни романов, ни музеев, ни картин, ни политического общества, ни спорта - ни Эпсума, ни Эскота» [Зверев 1983 : 43].

С другой стороны, эта нетронутость притягивала, открывала новые горизонты для развития. Мир «Нового Света» отличался неискущённостью, неиспорченностью, а значит - духовной свободой. Женские образы Джеймса, на наш взгляд, несут на себе отпечаток той же двойственности: они грациозны в своей дикости, необузданны в свободе своих душевных порывов. Их наивность и естественность резко контрастирует с манерностью леди «Старого Света».

В своих произведениях Джеймс сумел не только показать непохожесть и особенность американской женщины, но привнёс в американскую литературу новый женский тип - строгой, решительной, сильной, волевой, независимой, в то же время не лишённой страстности и эмоциональной многогранности, глубокой чувствительности и душевной женской впечатлительности. Джеймс сумел показать «новую» женщину «Нового Света», впитавшую в себя дух «нового времени», одной из характерных черт которого было зарождение движения феминизма. Американки Джеймса стремятся к внутренней свободе, которую они достигают путем самосовершенствования, путём отказа от общепринятой морали, через нарушение стандартов и стереотипов. Для раскрытия сложной женской психологии Джеймс использует разработанные им приемы «центрального сознания» и «точки зрения». Так, в повести «Дэйзи Миллер» роль центрального воспринимающего сознания предоставлена Уинтерборну. С его же точки зрения подаются все события повести.

Главная героиня предстает перед читателем такой, какой ее видит Уинтерборн. Сама же Дэйзи является носителем «отражённого» сознания - она практически не участвует в действии повести, происходит своего рода «показ» ее жизни. «Отражённость» сознания Дэйзи достигается в произведении различными способами. Одним из них являются композиционные особенности повести. Так, в экспозиции, когда художник знакомит читателя с главным героем Уинтерборном, становится очевидным, что он устанавливает дистанцию между повествователем и персонажем, тем самым, показывая, что повествователь не всеведущий - он не полностью владеет внутренним миром своих героев. Таким образом, уже в экспозиции автор заявляет художественный принцип произведения - отсутствие однозначности воссоздаваемой реальности.

Знакомство с Дэйзи было для главного героя столкновением с новым, непонятным ему типом девушки. На протяжении всей повести Уинтерборн пытается определить её характер, тип, к которому она принадлежит, с которым, он уверен, его ещё не сталкивал жизненный опыт. Уинтерборн теряется в догадках. Он тщетно ищет и не находит параллели между Дэйзи и европейским типом девушки. Она ставит его в тупик своей беззаботностью, которой себя компрометирует, нарушая законы светских приличий.

Как правило, героям Джеймса не свойственен самоанализ, поэтому «отражённость» сознания Дэйзи проявляется и через прямую речь героини. Её реплики не столько открывают внутренний мир героини, сколько создают ситуацию подтекста, намекают на особенности её внутреннего «содержания», стимулируя воображение читателя, направляя его мыслительную деятельность. В произведениях Г. Джеймса прямая речь не столько выявляет, сколько прячет глубинные движения мыслей и чувств. Так, на первый взгляд, по высказываниям Дейзи создаётся впечатление о ней, как о живой, легкой в общении, беззаботной и веселой девушке. Но при более внимательном прочтении, читатель способен постичь внутреннюю глубину и внешнюю неоднозначность героини. Становится явным, что за видимой пустой дерзостью девушки скрывается очень чуткая натура. Постепенно на девушке всё отчетливее проявляется клеймо несоответствия, несоответствия её натуры светским условностям, несовместимости искусственным жизненным принципам высшего общества; всё больше становится явных различий между Дэйзи и Уинтерборном. Насколько Дэйзи пыталась отрицать устоявшиеся нормы морали, настолько же Уинтерборн боялся от них отступить. Если в начале повествования молодой человек пытается оправдать поведение Дейзи, то в конце он сам занимает место среди людей, осуждающих её.

Итак, необходимо отметить, что в творчестве Г. Джеймса Дейзи Миллер стала первым женским образом, олицетворяющим раннюю стадию движения феминизма в Америке. Возможно, она уступает другим героиням уже «зрелого» Джеймса. В ней нет той безудержной тяги к знаниям, которую мы можем обнаружить в Изабелле Арчер. Она не является активной участницей движений, не отстаивает свои принципы, как это свойственно героиням в романе «Бостонцы». Тем не менее, Дейзи стала первой героиней Джеймса, в которой отразились отличительные качества «новой» американской женщины.

Кроме метафорического переноса образа Америки на американский «новый» тип женщины, представленный и пропагандируемый Джеймсом, на наш взгляд, девушки джеймсовского типа несут на себе явный отпечаток особенностей типа тургеневской русской женщины. Как явствует из статей Джеймса о Тургеневе, американский писатель предельно высоко ценил мастерство Тургенева-прозаика, считал его своим учителем, открыто говорил о следовании некоторым принципам тургеневской прозы в своём творчестве. Именно об этом Джеймс пишет в предисловии к роману «Женский портрет» в 1907-1909 годах, говоря о том, что по примеру русского мастера, центром романа пытался сделать не интригу или сюжет, а глубину характеров персонажей, сложность из взаимоотношений. Одним из сильнейших моментов тургеневской прозы Джеймс находит именно женские образы Тургенева. Так, обращаясь к образу Марианны, в романе Тургенева «Новь», Джеймс говорит о том, что «тургеневские девушки всегда необычны, что, «как все тургеневские героини, Марианна очень своеобразна и очень жизненна»; Джеймс называет её поразительным существом [Джеймс 1981: 504]. Далее американский писатель отмечает, что образ Марианны, созданный Тургеневым, «одна из наибольших удач в романе «Новь» [там же].

В статье американского писателя, написанной уже после смерти русского мастера в 1903 году, Джеймс называет тургеневских женщин героинями в прямом смысле слова; отдельно выделяет наличие в их характере таких качеств, как воля, которой героини наделены с избытком, поразительная сила духа, способность принимать решения и действовать [Джеймс 1981: 529]. Американский писатель особенно ценит сочетание силы и лёгкости, нежности и решительности в образах тургеневских девушек. Именно такое соединение нравственной внутренней силы с тончайшим, нежнейшим устройством души объединяет Асю и Марианну с Дэйзи и Изабеллой. Героизм их неприметен, но именно он не затухающим пламенем, а могучим огнём освещает их жизненный путь. Этот совершенно новый женский тип, представленный в работах Джеймса периода 70-80х годов был новаторством в американской литературной почве, но уже имел своих прототипов в русской литературе - в образе тургеневских женщин творчества писателя 50-60-х годов. Джеймс сумел «схватить» изюминку «тургеневской женщины и, основываясь на тургеневском типе русской женщины, сумел создать новый тип американской женщины. Такая обамериканившаяся тургеневская женщина обладала достаточной силой, чтобы противостоять устоявшимся нормам «Старого Света». Типологическое сравнение особенностей женских образов Тургенева и Джеймса помогает нам в этом убедиться. Как и Дэйзи, Ася представляла собой конгломерат противоположностей. Двойственность натуры Аси проявлялась и во внешнем облике, и во внутреннем содержании её натуры: «Ася была грациозно сложена, но как будто не вполне еще развита [Тургенев 1977: 7]; она независима и дерзка, но, в то же время, покорна и послушна. Н. Н. заме-

чает: «Я тут в первый раз хорошенько рассмотрел ее лицо, изменчивое лицо, какое я только видел. Несколько мгновений спустя оно уже все побледнело и приняло сосредоточенное, почти печальное выражение; самые черты ее мне показались больше, строже, проще. Она вся затихла...» [Тургенев 1977: 31]. Вскоре на её лице опять появилась «вызывающая, почти дерзкая усмешка» [Тургенев 1977: 38]. Ася хочет доказать Н. Н. свою независимость, она намеренно убегает в развалины. Там она поджидает молодых людей и, едва увидев, бежит и садится в опасное место. Она хочет произвести впечатление на Н. Н. своим бесстрашием; она хохочет и шалит. Но, спустя некоторое время, «она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила воду из рюмки. Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль - роль приличной и благовоспитанной барышни» [Тургенев 1977: 41]. Как и Уинтерборн, Н. Н. теряется в догадках, чувство недоумения переполняет его, он не в силах постичь истинную суть Аси. Та же двойственность «тургеневской женщины» видна и в образах главных героинь романов «Отцы и дети» и «Дым»: Анне Сергеевне Одинцовой и Ирине Ратмировой свойственны противоположные наклонности и устремления - некая раздвоенность, так характерная для типа «тургеневской женщины».

Итак, гений Тургенева породил новый тип женщины в русской литературе. Это было действительно новое представление о женщине, ранее не представленное, не укладывающееся в традиционные классификации - тип «тургеневской женщины». Она была различна не только в пределах своей личности - с каждым новым этапом творчества Тургенев показывал новые стороны её натуры, каждый раз удивляя неожиданностью угла восприятия. В своей же статье мы попытались очертить тип «тургеневской женщины» периода 50-60-х годов, которой свойственны, с одной стороны, решительность и независимость, с другой стороны, нежность, чуткость и восприимчивость. Та же характерная двойственность женских образов была воспринята и перенесена на страницы своих произведений младшим американским учеником Тургенева Джеймсом.

Джеймс считал, что Россию и Америку многое объединяло: «Русское общество, как и наше, ещё только формируется, русский характер ещё не обрёл твёрдых очертаний...» [Джеймс 1981: 497]. Но, если Тургенев пытался одновременно, с одной стороны, упрочить уже зародившийся в литературной традиции женский тип, предложенный Пушкиным и, с другой стороны, открыть в русской женщине ранее не раскрытые грани её личности; то Джеймс, заявляя об отсутствии литературной истории в Америке, тем самым, отказываясь от следования американской традиции в литературе, стал именно тем писателем, который впервые широко раскрыл образ *американской* женщины в психологическом плане. Именно Джеймс впервые представил женщину в образе свободной и независимой личности, что, коренным образом, шло вразрез с викторианскими понятиями. Это его произведения открывают ту проблематику, которая станет впоследствии важнейшей для многих мастеров слова: столкновение свободного чувства с сословными предрассудками и укоренившимися в сознании догмами. Джеймс, выставляя женский характер в новом свете своим романом «Дейзи Миллер» сумел «разбудить» американских женщин. Известно, что американский писатель поддерживал получившее в то время бурный рост движение феминизма в Америке и, естественно, своими произведениями придал американской женщине уверенности.

В целом же образ американской женщины, созданный Джеймсом, на наш взгляд, включает в себя два момента: женский образ, представленный Тургеневым и метафорический перенос неповторимости своей, тогда ещё молодой, исторической родины на представительниц слабого пола. Ведь, как её родная страна, личность американки Дэйзи представлена в повести ещё в процессе формирования, в её образе сквозит некоторая незавершённость; в то же время, её отличают неискушённость и непосредственность; она также непредсказуема, трудно объяснима, как Америка, на тот период, уже расправившая крылья, но ещё не определившаяся в направлении полёта.

Список использованной литературы

1. Джеймс Г. Статьи Г. Джеймса // Женский портрет. Литературные памятники. - М.: Наука, 1981.
2. Зверев А. С двух берегов Атлантики: Предисловие // Джеймс Г. Повести и рассказы. - Л., 1983.
3. Тургенев И. С. Повести. - М.: Московский рабочий, 1977.
4. James H. Hawthorne. - London and New York, 1897. - P. 43.

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ: СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И НА УРОВНЕ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Гусельникова О. В.

Новосибирский государственный технический университет

Познавая окружающую действительность и выделяя определенные свойства отдельных предметов и явлений, человек непременно устанавливает и их количественную определенность, которая присуща всем объектам окружающего мира. Количество является объективно данной стороной, атрибутом всех объектов реального мира. Оно может относиться не только к предмету в целом, но и к его свойствам, отдельным его сторонам. Универсальность понятия количества способствовала привлечению внимания ученых самых разных отраслей науки к этому явлению.

Не обделила вниманием категорию количества и лингвистика, рассматривающая всё многообразие количественных параметров предметов и явлений окружающей действительности, отражаемое человеком и ко-